

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ТЕМА В «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И. С. ШМЕЛЕВА

Сюе Чэнь

Педагогический университет Центрального Китая

Поступила в редакцию 28 сентября 2022 г.

Аннотация: в данной статье рассмотрен изображенный И. С. Шмелевым в повести «Солнце мертвых» крымскотатарский мир в имагологическом аспекте; выявлена этнокультурная специфика в историко-литературном контексте и показано сближение и объединение разных этносов и вероисповеданий в переломный социальный момент. Содержание исследования составляет анализ крымскотатарского образа в повести Шмелева и описание межкультурной коммуникации в Крыму.
Ключевые слова: крымские татары, национальный образ, бытие, И. С. Шмелев.

Abstract: this article examines the Crimean Tatar world depicted by I. S. Shmelev in the novel "The Sun of the Dead" in an imagological aspect; ethnocultural specificity in the historical and literary context is revealed and the convergence and unification of different ethnic groups and faiths at a crucial social moment is shown. The content of the study is an analysis of the Crimean Tatar image in Shmelev's story and a description of intercultural communication in Crimea.

Keywords: Crimean tatars, national image, being, I. S. Shmelev.

Эпопея «Солнце мертвых» Шмелева представляется как яркий пример крымского текста, формирующегося «под влиянием событий, мифологем и архетипов, специфических для Крыма» [1, 5]. Крымский текст рассматривается как «семантически связанная с Крымом система представлений о человеке и мире, которая отражает неповторимость крымской земли» [2, 6]. В истории русской литературы восприятие Крыма неоднозначно. В произведениях ряда писателей Крым представлен либо как сумеречный вход в Аид, например в «Одиссее» Гомера («Там киммериян печальная область, покрытая вечно влажным туманом и мглой облаков») [3, 288] или «Киммерийских сумерках» (1907–1909) М. Волошина, либо как романтическое, свободное пространство с прекрасными «брегами Тавриды» [4, 187] и «Тавриды сладостной полями», либо как домашний мир «простых татар» на «улицах Бахчисарая» [5, 151], мир «хижинок татар» [4, 187]. Особенно в годы Гражданской войны Крым для русских писателей-эмигрантов как «врата в иной мир, последние врата изгнанника» [6, 117]. Каждый художник изображает Крым по-своему, образ Крыма ни в одном произведении не представлен в полной мере. Но каждый дополняет образ и тему Крыма своей спецификой; панорама крымского природного пейзажа окрашена особенностями этнокультуры.

В русской художественной литературе, отражающей тему Крыма, крымские татары показаны как уникальный этнографический материал [7, 213]. Восточный менталитет крымских татар отличается от русского. В произведениях русских художников, прозаиков, поэтов картины крымского меж-

национального быта занимают скромное место. В повести «Солнце мертвых», напротив, отражено представление Шмелева о диалоге национальных ментальностей, главным образом русской и татарской. Взаимоотношения представителей различных национальностей, обитающих в Крыму во время Гражданской войны, – сквозной мотив повествования. Шмелев, выявляя этнокультурную специфику русских и татар, изображает национальный образ мира и описывает межкультурную коммуникацию. Как пишет Г. Д. Гачев, в национальном образе воплощается «основной фонд национальных ценностей, ориентиров, символов и архетипов» [8, 87]. Согласно С. В. Шешуновой, национальный образ мира можно рассматривать как категорию этнопоэтики [9, 10], а этнопоэтика «должна изучать национальное своеобразие конкретных культур» [10, 9].

История поселения разных народов в Крыму развивалась динамично. Крым заселяли русские, украинцы, татары, крымчаки, караимы, армяне, греки, итальянцы. Шмелев описал единый многонациональный мир, что проявилось в ряде эпизодов. Например: «<...> под шелковицей спят синими курдюками вверх шоссейные турки, раскинув медные кулаки»; «Тешут на земле камни греки и итальянцы, постукивают молоточки <...> Татары, поджарые, на поджарых конях лихо закидываются за поворот, блестя зубами, тянут катык из крынки» [11, 572]. В повести дан образ шумливого плута-армянина, восточного человека «с кавказскими поясами и сукнами, с линючими чадрами кричащих красок — утехой женщин» [11, 465]. Шмелев описывает греков, торгующихся за несколько пудов муки, покупающих у профессора Ивана Михайловича его золотую медаль за пуд муки,

у барыни ожерелье с драгоценными камнями за три фунта муки: «У нас простой коммерческий расчет! это гораздо больше, чем ваша совесть!» [11, 525]. Татары, греки говорят по-русски, рассказчик использует татарскую лексику, девочка в рваной юбке «по-ихнему умеет хорошо» [11, 551]. Совместное проживание народов на одной территории способствовало активному взаимовлиянию и взаимопроникновению национальных культур, образованию уникальной крымской этнокультуры.

Мир крымских татар изображен в ряде произведений Шмелева («Солнце мертвых», «Няня из Москвы», «Голос зари» и др.). Чтобы объективно и реалистично развить эту тему, Шмелев прочитал несколько томов «Энциклопедии Крыма», о чем он упоминал в письмах к Бредиус-Субботиной: «<...> чтобы писать это, я проглядел десяток томов “Энциклопедии Крыма”, изучал Коран и татарский фольклор» [12, 62]. Он признался, что хочет «пережить Крым через призму таких глобальных явлений, как 12-томная энциклопедия Крыма, история крымских татар и т.д.» [12, 279].

Согласно Г. Д. Гачеву, верхний этаж духа этноса — поэзия и литература, а нижний — природа, быт, дом, одежда, пища. В «Солнце мертвых» через описание уклада жизни, одежды, еды Шмелев изображает нижний этаж духа крымских татар. Еда как форма культурной идентификации обретает сугубо национальные особенности. В повести лексика, связанная с едой, отражает быт татар: брынза, чебуреки в бараньем сале, чурек, овечий сыр и т.д. Встречается описание портретов татарских проводников: «в рейтузах синей диагонали, с нафабранными усами, с бедрами Аполлона из Корбека, со стеклом за лаковым голенищем, с запахом чеснока и перца» [11, 466]. Присутствует немало лексических групп с семантикой «татарский»: «татарская груша», «татарская деревня», «татарская земля», «татарские кони», «татарский базар», «татарские постолы» (вид обуви), «татарский виноградник». Шмелев внимателен к речи крымских татар. Повесть изобилует лексикой, характерной для их этнокультурной специфики: чадра, чабан, можар, шайтан, мечеть и т.д. Эти лексические единицы как знак культурной памяти связаны с системой духовной ценности народа, пользующегося данным языком. Кроме лексики, употребляемой татарским народом, в повести частые топонимы также характеризуют крымский мир.

Самым типичным этнокультурным объектом крымских татар является мусульманское богослужбное сооружение — мечеть. Крымские татары исповедуют ислам. Герой «Солнца мертвых» — старый татарин Гафар в голодные времена продолжает ходить в мечеть и совершает намаз. Другой татарин, сухой старец «с шоколадной головкой в белой обвязке» [11, 466], предстает стоящим на коленях во время молитвы, повернувшись лицом к Мекке.

В повести «Солнце мертвых» крымские татары следуют принципам доброты, проявляют заботу о судьбе других людей, независимо от их вероисповедания. Татарин Гафар играет роль спасителя души рассказчика. В дождливую ночь через татарина Абайдулина он передает рассказчику корзину с яблоками, сушеной грушей, мукой, бекмесом: «Старый татарин прислал подарок. Не долг это, а подарок»; рассказчик воспринимает Абайдулина как «вестника с неба» [11, 609]. Христианин-рассказчик прозревает: мусульманина Абайдулина к нему привел Господь. Дар Гафара вывел его из кризиса веры: «Небо! Небо пришло из тьмы! Небо, о Господи!.. Старый татарин послал... татарин...» [11, 609]. Абайдулин и рассказчик испытывают одно и то же чувство помощи Бога. Так, Абайдулин говорит: «У тебя Аллах свой... у нас Аллах мой... Все — Аллах!» [11, 610]. Рассказчик мысленно отзывается: «И с нами Бог» [11, 610]. Их короткий диалог завершается внутренней молитвой рассказчика, в которой опять же высказана мысль о родстве душ христианина и мусульманина: «Знаю я: с нами Бог! Хоть на один миг с нами. Из темного угла смотрит, из маленьких глаз татарина. Татарин привел Его! Это Он велит дождю сеять, огню — гореть. Вниди и в меня, Господи! Вниди в нас, Господи, в великое горе наше, и освети! Ты солнце вложил в сушок и его отдаешь солнцу... Ты все можешь! Не уходи от нас, Господи, останься. В дожде и в ночи пришел Ты с татаринцом, по грязи... Пребуди с нами до солнца!» [11, 610]. Диалог между русским и татаринцом доказывает то, что «Крымскотатарский и русский мир сливаются воедино на божественно-духовном уровне» [13, 19].

При этом и решение Гафара помочь рассказчику, и согласие Абайдулина передать продукты требовало преодоления страха: «— Тебе прислал. Иди ночью... велела. Там видит, тут видит — неко-рошо... убьют. Иди ночью, лутче. А-а-а... — крутит головой татарин. — Смерть пришел... всей земле» [11, 609]. В изображении портрета Абайдулина выражено восхищение рассказчика добротой простого человека: он стар, у него коричневое, «трудовое», строгое, суровое лицо, «человеческое в глазах его» [11, 609], его обувь мокрая и в глине; в татарской шапке, мокрой от дождя, он подсовывает сучья в огонь, курит самокрутку. Рассказчик испытывает к нему родственное чувство: «Дикарь, татарин? Велик Аллах! Жива человеческая душа! жива!!» [11, 609].

В этом кульминационном эпизоде Шмелев «выразил “духовное существо” другой религии, другой культуры» [14, 189]. Поступок Гафара переключается с поступком Али, героя сказки Шмелева «Голос зари». Он построил пекарню и продавал хлеб нищим, голодным за полцены. В произведениях Шмелева и Гафар, и Али, и другие татары следуют словам пророка: «Пусть помutilись все, лишь бы осталась одна живая душа, — и сохранится огонь в светильнике»

[11, 189]. Героиня романа «Няня из Москвы» (1933) Шмелева так оценивает татарина Османа, помогшего ей и ее хозяйке убежать из Крыма: «<...> месяцу молится, а верный-то какой. Ведь он в рай попадает, в рай... и спрашивать не будут, какой веры» [15, 112]. В словах и рассказчика, и няни звучит мысль о любви к ближнему независимо от принадлежности к той или иной конфессии, как В. С. Соловьёв высоко оценивал в мусульманах неразделимость их веры и поведения: «важнее всего для мусульман... милосердное отношение к ближнему» [16, 11].

В изображенной Шмелевым картине многоликого национального образа Крыма показывается примирение христианства и ислама в живой реальности. Любовь к ближнему соединяет две противоположные религии, придает рассказчику смысл существования и приближает к познанию истинного Бога. Эта тема созвучна мысли В. Соловьёва о стремлении человечества и всех религий к единству, она определила его интерес к исламу («Магомет, его жизнь и религиозное учение», 1896). Отметим точку зрения Соловьёва в целом на религиозные крайности, высказанную в его работе «Великий спор и христианская политика» (1883): «примирение двух противоположных начал в живой действительности устраняет нелепые крайности бесчеловечного бога и безбожного человека и дает смысл всему существующему» [17, 23]. Сострадание русского к мусульманину — тема русской литературы. Например, она выражена в произведениях А. Куприна («Дознание», 1894; «Поединок», 1905). Мысль о сближении этносов и вероисповеданий выражена в поэзии В. Хлебникова-евразийца («Хаджи-Тархан», 1913; «Тиран без Тэ. Встреча», 1922 и др.). Приведем и цитату из Ветхого Завета: «И об Измаиле Я услышал тебя: вот, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ» (Бытие. 17: 20).

В «Солнце мертвых» говорится о богатых крымских татарах, которые при красных многое потеряли («Больше тысячи барашков было, а теперь мало...» [11, 551]), но выказывают сочувствие голодным детям. Татарские чабаны вежливы с девочкой Глазковой, одаривают ее ленточками («Как татарку убрали... у них так невест убирают» [11, 551]), дали еды для нее, ее братьев и матери. Татары, выручающие обнищавших русских, — мотив повести. Рассказчик ищет ухоженный татарский виноградник, чтобы раздобыть у сторожа сушеные груши. Татарин покупает у него заплатанную рубаху. Татарин проявляет отвагу и решительность, когда укрывает бежавших из подвала-тюрьмы; в итоге он погибает.

Вместе с тем рассказчик страдает обедневшему татарскому населению, что выражено в эпизоде встречи со старым татаринцем, вернувшимся из мечети. У него ввалившиеся глаза горной птицы, он говорит о смерти татар, о голоде (« — Груша — нет.

Табак — нет. Кукуруз — нет. Орех нет. Мука — нет. Плоха» [11, 602]). Рассказчик с сочувствием пишет о незнакомом татарине, зачем-то выдиравшем с откоса сухую траву. Общее многонациональное горе выражено в эпизодах забитого шомполами татарина, обстрела татарской деревушки.

Вызревший в сознании татар внутренний конфликт между испытанием голодом и верностью традиционному отношению к животному положен в основу ряда эпизодов. В фольклоре крымских татар конь — помощник и покровитель человека. В их понятии «животное, а не человек выступает носителем человеческих свойств, мудрости и т.д.» [8, 125]. В голодные времена татарам жалко резать коня, его нечем кормить; один из них («крохотный, черноусый, с обезумевшими глазами» [11, 623]) с болью умолял рассказчика купить у него коня; другой продал своего коня за шесть фунтов хлеба. В восприятии дьякона поведение татар неадекватное: «Ему бы на месяц с семьей хватило, продержаться... Посоли мясо...» [11, 626]; «Воистину — голову потерял чумовой татарин» [11, 627]. История с конями созвучна отношению рассказчика к курочкам.

Но в теме межнациональных отношений нет идеализации. Шмелев приводит и негативную оценку, данную татарам учительницей: «<...> богатый татарин недоплатил полпуда грецких орехов еще с зимы, хоть бы ячменем отдал за уроки! — Люди теряют честность! Это был самый правоверный татарин. А вчера резал барашка и не дал даже головку...» [11, 570].

Шмелев в «Солнце мертвых» описывает крымскотатарский мир, заостряя понятия «свой» и «чужой», и создает картину межнационального бытия, абстрагируясь от понятий «свой» и «чужой». Повесть «Солнце мертвых» дает широкую панораму исторически устоявшегося межнационального крымского бытия. С приходом Красной армии, в условиях голода и террора сосуществование этносов по-прежнему составляет общий крымский мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курьянова В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого: монография / В. В. Курьянова. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. — 220 с.
2. Курьянов С. О. Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X — XIX веков / С. О. Курьянов. — М.: ИНФРА-М, 2019. — 308 с.
3. Гомер. Одиссея / Вступ. ст. С. Маркиша; примеч. С. Ошерива. — М.: Эксмо, 2018. — 702 с.
4. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.: Гослитиздат, 1960. — С. 5–200.
5. Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. — С. 143–158.
6. Солнцева Н. М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество: Жизнеописание / Н. М. Солнцева. — М.: Эллис Лак, 2007. — 512 с.

7. Эмирова А. М. Солнце мертвых: крымская татарская тема в творчестве И. С. Шмелева / А. М. Эмирова // Берега Тавриды. — Симферополь. — 1995. — № 4–5. — С. 213–215.
8. Гачев. Г. Д. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца / Г. Д. Гачев. — М.: Институт Ди-Дик, 1999. — 368 с.
9. Шешунова С. В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности / С. В. Шешунова // Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И. С. Шмелева. — М.: Ленанд, 2017. — 200 с.
10. Захаров В. Н. Русская литература и христианство / В. Н. Захаров // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. 1994. Вып. 3. — С. 5–10.
11. Шмелев И. С. Солнце мертвых / И. С. Шмелев // Шмелев И. С. Собрание сочинений: В 5 т. — Т. 1. — М.: Русская книга, 1998. — С. 453–636.
12. И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина. Роман в письмах: в 2 т. — Т. 1. — 1939–1942. — 760 с.
13. Аблаева А. Т. «Чужая земля, татарская»: крымско-татарский мир в творчестве И. С. Шмелева / А. Т. Аблаева // Вестник Удмуртского университета. — 2017. — Т. 26. вып. 2. — С. 19–22.
14. Богоявленская И. М. «И сохранится огонь в свильнике». Сказка И. Шмелева «Голос зари» / И. М. Богоявленская // Крымский архив. — Симферополь, 1999. — № 4. — С. 189–191.
15. Шмелев И. С. Няня из Москвы // И. С. Шмелев. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. — М.: Русская книга, 1998. — С. 11–190.
16. Ермаков И. Ислам в русской литературе XV–XX вв. / И. М. Ермаков: Компания «Спутник», 2000. — 184 с.
17. Соловьев В. С. Великий спор и христианская политика / В. С. Соловьев. — М.: Эксмо-Пресс; Фолио, 1999. — 138 с.

Педагогический университет Центрального Китая (КНР)

Сюе Чэнь, кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русского языка, кафедра русского языка и литературы

E-mail: xuechen0430@yandex.ru

*Central China Normal University
Xue Chen, Ph.D in Philological Sciences, senior lecturer of
the Faculty of Russian Language
E-mail: xuechen0430@yandex.ru*